

DOI 10.23683/2415-8852-2017-2-7-16

**«ВСЕ УЖЕ СКАЗАНО» – ВОВСЕ НЕ ОТКРЫТИЕ ПОСТМОДЕРНА,
ТАКАЯ ЖЕ ТОЧНО УСТАНОВКА БЫЛА У ЛЕТОПИСЦА»**

Игорь Николаевич Данилевский – доктор исторических наук, специалист по Древней Руси, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Высшей школы экономики. Автор книг «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.)» (1998), «Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.)» (2001), «Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов» (2004) и многих других работ по текстологии, источниковедению и русской истории.

В номере Р&I, посвященном исповедальности, мы поговорили с профессором Данилевским о том, могут ли древние тексты стать источником самопознания для нас сегодняшних. Беседовала Екатерина Максимова.

Смысл выражения «страна с непредсказуемым будущим» понятен всем, но вы называете Россию «страной с непредсказуемым прошлым». «Меняется исследовательская оптика – меняются результаты» или что-то другое имеется в виду? Вообще чем текстолог – историк, который работает с текстами, – отличается от другого человека, работающего с текстами, – от филолога?

«Непредсказуемое прошлое» – это, кстати, вовсе не плохо: однозначно предсказуемым прошлое становится тогда, когда история превращается в инструмент индоктринации. Текстолога-историка интересуют смыслы, которые закладывались в текст изначально, а не то, что он может сказать по поводу этого текста сейчас. Это герменевтика в строгом смысле, жестко противопоставленная интерпретации. Путь, который был сформулирован во Франции 1970-х годах, когда в рамках критики текста появилось направление «герменевтическая критика» с установкой на разграничение базовых и факультативных смыслов текста, а главное – на восстановление авантекста, прототекста.

Смотрите, все знают, что такое Ледовое побоище. Это «крупнейшая битва раннего средневековья», великая победа Александра Невского над Ливонским орденом в 1242 году. Никакой учебник отечественной

истории без этого невозможен. Но что такое эта «величайшая битва» для источниковеда? О Ледовом побоище рассказывают всего пять независимых друг от друга текстов. Все остальные описания Ледового побоища – вариации на тему этих пяти источников: Новгородской первой, трех псковских, Суздальской и Лаврентьевской летописей, а также Ливонской рифмованной хроники. Я использую эти тексты, работая со студентами: их удобно сопоставлять. Мы можем точно отследить повторяющуюся информацию и потом составить более или менее объективный рассказ, что там все-таки происходило. И рассказ этот недолгий: самое подробное описание Ледового побоища – всего сто слов. Александр Ярославич выгоняет из Пскова двух рыцарей-крестоносцев, приглашенных туда самими псковичами, идет потом в землю эстов пограбить их, вперед посылает отряд Домаша и Кербета. Все передвижения можно отследить по карте: Александр Ярославич отправился на запад, вторгается в земли Дорпатского епископства. Когда отряд Домаша и Кербета разбит, Александр отходит на Чудское озеро. И там «на льду» происходит «сеча велика»: примерно 35 рыцарей и до пяти сот человек – их слуги (кнехты). Сначала рыцари сражаются успешно, но в итоге они разбиты: 20 человек погибло, шестеро взято в плен. Все, на этом конец. Больше мы ничего не знаем. Меня, как источниковеда, интересует именно эта часть истории, эти сто слов.

Анализ отечественной историографии говорит о том, что битва на Чудском озере никогда не воспринималась как судьбоносное событие для Руси. У Карамзина рассказ о битве 1242 года в четыре раза короче, чем описание Невской битвы. Переоценка места и роли Ледового побоища произошла в XX веке, не без участия творческого гения Эйзенштейна, его фильма «Александр Невский».

И вот что еще важно. Эти сто слов для нас, тех, кто читает их сейчас, и для них, тех, кто писал тогда, означают совершенно разные вещи. Их интересует не то, как это было на самом деле, а то, каков смысл происходящего. Александр Ярославич выступает как защитник идеалов православия. Его отец Ярослав Всеволодович, судя по письму Папы Римского, принял католичество. Александр отказался от соответствующего предложения папского престола. Примерно через 40 лет после смерти он был канонизирован именно как защитник православных идеалов. В этом главное отличие их восприятия событий от нашего.

Потребность поместить происходящее в макроконтекст, обязательно вписать себя в «большое время»?

Да, и этот глобальный контекст нам чужд, потому что мы живем с другой перспективой. Они все время ждут одного – конца света, история вот-вот должна закончить-

ся. Когда – никто толком не знает, поэтому все пытаются этот конец просчитать, вычислить. Но ощущение приближающегося конца света постоянно присутствует. И еще меня не оставляет идея, что летопись – это что-то вроде отчета о проделанной работе: на Страшном суде этот протокол пригодится, когда будут подсчитываться и все прегрешения, и все смягчающие обстоятельства.

Мы знаем об этой «обратной» перспективе, например, из исследований русской языковой модели мира («движущееся» и «неподвижное» время, «семантические нестыковки» вроде *предшествующий* и *предстоящий* и прочее). Но этой дистанции не ощущаешь, когда читаешь, скажем, «Смех в Древней Руси». Это беллетристические таланты Лихачева и Панченко приучили нас к эмпатии, позволили думать, что человек Средневековья – такой же, как мы?

В точку. Это не просто впечатление, так и было задумано. Вся школа Пушкинского Дома настаивает на том, что люди Древней Руси – это вполне современные люди, просто заброшенные в то время. У Лихачева есть такая фраза, мол, мышление летописца было точно таким же, как у нас. И оно даже не было религиозным, просто он вынужден был приписывать религиозную риторику к

своим достаточно прагматичным текстам. Я, когда студентам эту цитату привожу, всегда спрашиваю: о ком пишет Лихачев? Вам вот как кажется?

Кажется, вы ждете от них ответа «О себе».

Да. Потому что Дмитрий Сергеевич Лихачев, действительно, пишет о себе. Как будто себя объясняет: серьезный литературовед, получивший образование в дореволюционной России, вынужденный строить классические построения вписывать в марксистскую идеологию. Он не мог не знать работ Леви-Стросса и Леви-Брюля, но он пишет, что мышление человека всегда было одним и тем же. Нет, не было. Гадамер говорит: надо жестко установить культурно-историческую дистанцию, чтобы освободиться от собственных стереотипов мышления, надо принять, что они другие, и попытаться понять их логику. Все разное. Здесь хрестоматийный пример. До XVI века мы не находим в русских текстах такого слова, которое соотносилось бы с понятием счастье. В XVI веке появляются слова *участь*, *доля*. Понятно, что люди переживали состояние счастья, наверняка так было, но они его не рефлексировали, не фиксировали, и не было слова, которое бы его обозначало.

Любопытные детали. А на принципиальные вещи, такие, как картина

мира, способ восприятия действительности, отношение к пространству и времени, различия распространяются?

Начнем с пространства. Казалось бы, в средневековом мире пространство – это преграда номер один. Расстояние от Киева до Новгорода – это два месяца пути. Для них – ничто, оно никогда не становится предметом специальной рефлексии, вербализуется на уровне: «и поехал в Новгород». Географически пространство тоже было иным. У нас с гордостью пишут: дочка Ярослава Мудрого – «АНА РЪИНА» – стала французской королевой. Вы видели Францию того времени? Это Иль-де-Франс – Париж и окрестности, пяточок земли, специальную врезку приходится делать на современной карте Франции. Но интереснее другое. Владимир Мономах пишет, что отец его, никуда не выезжая, знал пять языков. Как это возможно? Все просто: в истории домонгольской Руси вы не найдете ни одного князя со славянскими корнями. Скажем, Андрей Боголюбский. Мать у него – половчанка, дед – Юрий Долгорукий, у того отец – Владимир Мономах, а мать – англосаксонская принцесса, дочь короля Гарольда II, того самого, что погиб в битве при Гастингсе в борьбе с Вильямом Завоевателем. А Владимир потому и Мономах, что он наполовину грек, его мать – византийская принцесса. Итак, Андрей Боголюбский – напо-

ловину половец, на четвертушку англосакс, на восьмушку грек. Есть еще шестнадцатая часть крови – шведская, потому что Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, – это сын Ярослава Мудрого и шведской принцессы Ингигерды. А, скажем, у Игоря Святославовича, о котором все знают, что он «ходил на половцев», мать половчанка и бабка половчанка. Получается, сам он на три четверти половец. Всем им нужно было как-то общаться, все они вынужденно были полиглотами. Древнерусский язык был посредником, но далеко не главным языком общения при дворе.

Мы знаем, что автор «Повести временных лет» знаком с греческими и древнееврейскими текстами, знаем о двух вставках из «Иосиппона», переработки «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Один из моих учеников обратил внимание на фрагмент в «Повести временных лет» – «Видения старца Матфея». Всенощная: приходит бес и начинает бросать в монахов цветами. Никто, кроме прозорливого Матфея, бесовских козней не видит. И вот к одним монахам цветочки прилипают, к другим – нет. К кому прилипли – зевают, уходят со службы и спят. Не выдерживают соблазна. А те, к кому не прилипли, суть настоящие подвижники. Так вот этот исследователь нашел претекст видения – «Махаянская сутра о том, что рассказывал благородный Вималакирти» II века до нашей эры. Небесная дева, «сыплющая не-

бесными цветами», спускается в монастырь. Бросает в монахов лепестками. Прилипают – значит, не порвал связи с миром, не прилипают – значит, изжил все мирское, просветленный. Таких пересечений множество.

В общем, ощущение пространства другое. И времени, конечно, тоже. С одной стороны, оно не отслеживается, элементарно нет часов, при этом они пишут о времени постоянно. Один из самых интересных вопросов – когда появились годовые даты в «Повести временных лет». Алексей Александрович Шахматов считал, что они были вставлены в текст задним числом, в 60–70-х годах XI века. Более того, появляются не только годовые даты, но также календарные и часовые. Мне всегда было интересно, с чем это связано. И я думаю, что с тем же самым эсхатологическим ожиданием, отсюда этот временной разрыв. Попробую объяснить. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона датируют до 50-го года XI века. Изборник Святослава – 1076 год. Установка Илариона: все, кто крестились, подлежат спасению. Это большая эсхатология. Установка 1076 года – мало быть христианином, надо вести себя как христианин. Воздаваться будет по делам. Это малая эсхатология, и здесь появляется малое время, появляется учет. У Аввакума есть такая идея: каждому на Страшном суде «ангелы бесовски развернут списки», где будут фиксированы все их прегрешения. От них нельзя будет отказать-

ся, потому что «учет и контроль»: там будут записаны год, месяц, число и час, когда все произошло. С момента появления малой эсхатологии наших предков, видимо, по-настоящему начинает интересоваться время. Но опять же не так, как нас. Очень важно, например, различие счастливых и несчастливых дат. Вот встречаются два каких-то войска, встают на двух берегах реки и ждут. Чего? Счастливой даты, конечно. Время для них постоянно повторяется, так что ясна позиция летописца. Как говорил Лихачев, переписывание предыдущих текстов – гарантия авторитетности вновь написанного. Да, это коллективный опыт, который следует передавать. Но вот доходит летописец до описания современных событий, что для него существенно? Многие считают, то, насколько это соответствует Священному Писанию. Для них важным является, так сказать, со-Бытие – отголосок событий священной истории, который они видят в современности. Именно это существенно.

В «Повести временных лет» описывается строительство Владимиром первых русских христианских храмов – в Киеве и Василеве. Впечатление, что написано это человеком, который был непосредственным свидетелем происходившего. Но при внимательном чтении оказывается, что все детали строительства, связанные с именем Владимира, заимствованы из Третьей книги Царств – библейского описания строительства Соло-

моном Храма Господня в Иерусалиме. Та же история с летописным рассказом о разводе Василия III с Соломонией Сабуровой. Великая княгиня была бесплодна, и вот однажды князь увидел на дереве гнездо, в нем птицы и птенчики. Василий залился слезами и принялся жаловаться на судьбу: «На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож...» и так далее. Этот плач – перифраз апокрифического Протоевангелия Иакова, где бездетная Анна молится Господу: «Горе мне, кому я подобна? Не подобна я птицам небесным, ибо и птицы небесные имеют потомство у тебя, Господи. Не подобна я и тварям бессловесным...» и далее по тексту. Уточню, после этой молитвы Анне было обещано рождение «не простого ребенка» – она родила Богородицу. Что может дать такое сопоставление? Представление о том, как воспринимался сам факт будущего рождения у великого князя первенца: и у него будет ребенок, и это будет непростой ребенок. И еще – понимание, что летописные тексты нельзя воспринимать буквально. Нельзя читать как газетные тексты. Память контекста, ожидание квалифицированного читателя. Эти принципы очень важны. Я всегда думал, что только у меня цитаты обрываются на самом интересном месте. И вот Анатолий Алексеев в «Текстологии славянской Библии» пишет:

«Цитату, как правило, обрывали там, где начиналось самое важное». Дальше думай сам, интерпретация за тобой.

Sapienti sat.

Sapienti sat, правильно. «Ты сказал», если по-нашему. Это слова Христа первосвященнику Каиафе. Конечно, все это они учитывали. Интеллектуальная игра. И игра непростая. Мы ничего нового не придумали, пользуемся теми же приемами. Захожу в метро накануне выборов в мэрию – над выходом висит маленький стикер «Мэрия бессмертна». Ничего плохого о мэрии не сказано, зато у всех, кто знаком с творчеством Эльдара Рязанова, сразу возникает другой текст, который стоит за этим. В общем, смысл ясен. И вот представьте, проходит лет 500, я пишу трактат о верованиях москвичей на рубеже XX–XXI веков, как они поклонялись этой своей бессмертной мэрии. Поклонялись они ей так, что даже построили для этого специальные разветвленные подземелья, но их все равно преследовали, даже в этих катакомбах. А что вы думаете, примерно так у нас написано большое количество трактатов о верованиях восточных славян. В общем, если прочитывать некоторые летописные тексты поверхностно, получается глупость. Многие нужно расшифровывать. Прочитывать символически, искать ключ, линейное прочтение часто превращается в бессмыслицу. Скажем, опи-

сание Мамаева побоища: битва идет «с шестого по девятый час», а в восьмом часу «потянул дух южный» – в битве случается перелом. Историки голову сломали от подсчетов: шесть, восемь, девять – о чем речь? Вот как отвечает на эти вопросы мой замечательный ученик Владимир Рудаков. Когда происходит Куликовская битва? 8 сентября 1380 года в нашей системе летоисчисления, или «в лето 6888 от сотворения мира». Год это непростой, это год кириопасхи, когда совпадают Пасха и Благовещение – один из потенциальных годов конца света. С шестого по девятый час – что это за время? Ответ дает Евангелие от Матфея – это время распятия Христа. Ничего не надо высчитывать. Это не реальное описание битвы. 8 сентября, на Рождество Пресвятой Богородицы в Служебной Минее читается текст, в котором упоминается, что «от юга приидет Богъ». Все, в этом смысл. Летописец не пытается объяснить своим читателям, как это было на самом деле, он хочет рассказать, что это было, что бы это значило.

Все это приметы элитарной культуры. А массовая? Чем жил тот самый «средний новгородец», выводы об «интеллектуальном градусе» которого продолжают извлекать из берестяных грамот?

Берестяные грамоты – для меня сложный вопрос. Я говорил на эту тему с Валентином

Лаврентьевичем Яниным. Да, это обрывочки живой жизни, голоса. Но как их связать? Янин делает это очень красиво, привлекая археологический материал и строя на этом концепции. Андрей Анатольевич Зализняк описывает все с позиции лингвистики, суперпрофессионально и увлекательно. Например, показывает, что северный и южный диалекты – два разных языка, но историку это ничего не дает, выглядит как культурологическая забава. А все эти споры об уровне грамотности среднего новгородца, думаю, тут дело в том, что горожане были грамотны просто потому, что письменный, литературный язык мало отличался от разговорного. Это не латынь горожанина средневековой Европы. Помните, как начинается Мстиславова грамота: «Се азъ Мьстиславъ Володимиръ сынъ държа Русьску землю въ свое княжение повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду» и так далее. В первой строчке – «се азъ». В середине текста – «язъ далъ рукою своею». В предпоследних строчках – «се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно». Азъ – язь – я. Что это значит? Человек пишет, постепенно устает и уходит от жесткого литературного регистра к древнерусскому, а потом и вовсе к разговорному. Но все это – понятный каждому язык.

Конечно, у них иначе была организована память. Они гораздо больше помнили наизусть. Как это удавалось запомнить, отлично объяснила Френсис Йейтс в «Искусстве па-

мяти». Наши предки запоминали огромные тексты и вращали в голове эти глыбы информации. Так, в Киево-Печерском монастыре по объему запомненных текстов никто не мог соревноваться с Никитой Затворником. Составитель Киево-Печерского патерика пишет, что тот знал наизусть Пятикнижие Моисея, «Бытие, и Исход, Левггыты, Числа, Судии, Царства и вся Пророчества по чину». Знал – это значит мог мысленно извлекать любой фрагмент из любой части текста. Знание Священного Писания не было редкостью среди монахов, но автора удивляет объем текстов, которые воспроизводил Никита. В принципе, это нормальная практика для всех народов до изобретения книгопечатания. Скажем, все китайские чиновники проходили раз в четыре года экзамен. Что это был за экзамен? Человек шел на испытания и знал только одно: сегодня испытание по «Ицзин». Он приходил на экзамен, садится за стол: бумага, тушь, кисточка и заданная тема, которую нужно раскрыть, цитируя «Ицзин». Не дай бог привести цитату из «Шицзин» – лишение должности. А экзамен по «Шицзин» на тех же условиях назначен на завтра. И так пять дней проверялись знания всех «пяти основ», главных китайских книг. Чтение и запоминание – неразрывный процесс для человека догутенберговой эры. В «Имени Розы» Вильгельму Баскервильскому достаточно взглянуть на страницу открытой книги. «Это “Метафизика” Аристотеля», – с ходу опознает герой.

Умберто Эко, теоретик игровой пост-модернистской поэтики, вспомнился неслучайно? Многоуровневый текст, квалифицированный читатель – все эти «идеи из XX века» как будто приложимы к вашему предмету.

Так и есть. Сама эта постмодернистская позиция «все уже сказано» – далеко не открытие XX века, «все уже написано» – у летописца такая же точно уверенность. Та же «Повесть временных лет» – это не совсем

текст, в том смысле, что ее текст выделен условно, самой «Повести временных лет» в отдельном списке не существует, это такой интертекст – зачин большинства летописных сводов. Аллюзии, цитаты, реминисценции – у филологов для таких текстовых отношений множество названий, а историки скромно называют это все повторяющейся информацией. Это не умаляет роли повторяющихся мест, напротив. Раз топика, общие места, значит, пропускаем? Вовсе нет, это все часть шифра.

